

К счастью, вечер был теплым, но не невыносимо влажным, поэтому Брюс не торопился бродить по менее прямому маршруту домой. Хотя он чувствовал физическую усталость, его мозг работал слишком интенсивно, чтобы он мог сразу заснуть, поэтому он надеялся, что извилистый путь домой поможет ему. Район был не совсем эстетичным, но ветер, дувший с побережья, помогал воздуху не застаиваться на узких улочках. Вокруг маленькой гавани было много небольших лавок, где каждое утро продавали свежую рыбу, а несколько киосков с безделушками, которые начали появляться, пользовались популярностью у туристов. Пока к нему не обращались за помощью в лечении туристов, но тот факт, что он свободно говорил по-английски, беспокоил его, что однажды кто-то может предпочесть его сертифицированным больницам. Брюс знал, что существуют туристические сайты, на которых люди оставляют свои комментарии, и американский врач, живущий в Кочи и предлагающий чрезвычайно низкие цены, должен был привлечь внимание.

Он так увлекся своими мыслями, что почти совсем не заметил крошечную сгорбленную массу, прятанную на неосвещенной улице, которая отходила от той, по которой он шел. Он заметил ее присутствие только тогда, когда его усиленный слух уловил почти полностью подавленное сопение, когда он проходил мимо затемненного места. На секунду он подумал, что причиной звука могло быть ночное существо, но когда он услышал его снова, Брюс был уверен, что причиной шума был человек.

"Алло, кто там?" тихо позвал Брюс.

Его взгляд упал на маленький сверток, замерший при звуке его голоса, и Брюс заколебался. Он не мог со спокойной совестью оставить кого-то одного на улице, даже если ночью улицы здесь были относительно безопасны. Однако ребенок не выглядел счастливым, узнав, что его нашли, и он не мог быть никем иным, кроме как ребенком, чтобы быть таким маленьким.

"Ты в порядке? Где твои родители?" продолжал Брюс, медленно приближаясь к свертку.

Ребенок не двигался и не говорил, и вскоре Брюс стоял в нескольких футах от маленькой фигурки, укрытой одеялом. По размеру свернувшегося в клубок ребенка он мог бы предположить, что ему около четырех лет. Брюс не слышал, не видел и не чувствовал посторонних запахов, поэтому он знал, что это не ловушка. Он подозревал ловушку только потому, что люди знали, что он равнодушен к детям и никогда не оставит их в опасности или боли. Поскольку он был уверен, что находится в безопасности, он раздумывал, и после еще одной минуты нерешительности он присел и осторожно положил руку на сверток.

"Пожалуйста, нет!" - вскрикнул ребенок и так сильно вздрогнул, что рука Брюса отдернулась от одеяла.

Брюс потрясенно расширил глаза, когда понял, что голос говорит на безупречном английском языке без малейшего акцента. Конечно, ни один маленький индийский ребенок не смог бы добиться такого, если только он не рос в изоляции среди совершенных носителей языка. Любопытство Брюса разгорелось, и он придвинулся поближе к ребенку. Хотя до этого ребенок плохо реагировал на его прикосновения, Брюс снова протянул руку, но более нежно, пытаясь утешить его. Ребенок снова вздрогнул, но легкое прикосновение не исчезло, и Брюс провел

рукой по плечу, и в конце концов ребенок, казалось, немного расслабился.

"Все хорошо, малыш, я не причиню тебе вреда", - успокаивающе сказал Брюс, нежно проводя рукой по руке маленького ребенка.

Ответа от все еще спрятанного ребенка не последовало, поэтому Брюс осторожно нащупал край одеяла и медленно стянул его с тела ребенка. Как он и предполагал, но был совершенно удивлен этой мыслью, маленький белый ребенок плотно свернулся калачиком и смотрел на него испуганными глазами.

"Приветик", - успокаивающе улыбнувшись, сказал Брюс, заправляя одеяло под подбородок ребенка.

Когда стало ясно, что Брюс не собирается причинять ему боль, ребенок немного разогнулся и подвинулся, чтобы Брюс мог лучше разглядеть его лицо. Неровные черные волосы торчали из головы мальчика под разными углами, а неравномерная длина наводила на мысль о недостатке ухода, когда их в последний раз стригли. Было слишком темно, чтобы Брюс смог разглядеть лицо ребенка, но мальчик выглядел очень бледным и, казалось, не мог сфокусироваться на Брюсе. Он мог видеть только ярко-зеленые глаза, которые смотрели на него с таким глубоким недоверием, что крошечный проблеск надежды был почти полностью заглушен. Сердце Брюса сжималось от беспокойства, что ребенок с таким взглядом, возможно, не получил того любящего воспитания, которое должен был получить.

"Что ты здесь делаешь?" мягко спросил Брюс.

"Мой дядя закрыл меня здесь", - ответил он.

Голос был слишком тихим и нейтральным, что не позволяло легко определить пол, хотя Брюс догадался, что это мальчик. Взрослый обдумал этот ответ и пришел к выводу, что ребенок бредит или у него какие-то проблемы с психикой, в любом случае он не мог позволить себе оплошать и в итоге оставить ребенка на улице.

"Почему он это сделал?" - спросил он снова, решив не обращать внимания на то, что они сидят в переулке.

"Я упал и уронил еду на пол, а он разозлился, что я испорчу Рождество, и оставил меня здесь, чтобы я не смог этого сделать", - безэмоционально ответил мальчик.

"Где мы находимся?" Брюс немного подыграл.

"В сарае, там холодно, но, по крайней мере, он меня не побил. Правда, рука болит", - мальчик сказал последнее тихо, почти как послесловие.

"Ну, нам стоит пойти и проверить, не слишком ли сильно она пострадала, не так ли?" сказал Брюс, слегка обеспокоенный тем, что этот бредовый ребенок не слишком беспокоится о боли, которую причинил ему дядя. В целом у него в голове начала вырисовываться довольно тревожная картина домашней жизни ребенка, и Брюсу это совсем не нравилось.

"Мы не можем никуда пойти, мы заперты в сарае", - сказал мужчина, но затем задумчиво посмотрел на Брюса: "Как же ты сюда попал?".

"Во сне ты можешь пойти куда угодно, не так ли? И любой человек тоже может тебя навестить. Так ты хочешь пойти со мной? Мы можем поесть и поспать на удобном матрасе в тепле", - предложил Брюс.

Он никогда раньше не сталкивался с людьми с серьезными психическими проблемами, но если ребенок был уверен, что ему снится сон, то подыграть ему в этом, вероятно, было бы самым простым способом заставить его сотрудничать. Было очевидно, что ребенок был одинок и брошен, поэтому Брюсу нужно было отвести его в безопасное место и разобраться с последствиями позже.

"Звучит неплохо", - мальчик почти улыбался, но хныкал, когда Брюс надавил на его руки.

"Я понесу тебя, если хочешь?" обеспокоенно спросил Брюс.

Ребенок выглядел испуганным и неуверенным, поэтому Брюс вздохнул, подхватил его на руки, прежде чем тот успел запротестовать, и повернул в сторону своего дома. С новой интригующей головоломкой на руках Брюс быстро, насколько мог, пошел по кратчайшему пути обратно, и уже через пять минут пара была в его скудной гостиной. На обратном пути они не разговаривали, ребенок, казалось, слишком нервничал, чтобы говорить, а Брюс был слишком занят разгадыванием загадки, чтобы пытаться вести светскую беседу.

Брюс осторожно усадил ребенка на стол и включил свет. Обычно он не утруждал себя освещением своего пути в спальню, но ему нужен был свет, чтобы увидеть ребенка и вылечить его.

"Я врач, поэтому я могу осмотреть твою руку и вылечить ее для тебя", - сказал Брюс, беря свою сумку у двери и возвращаясь к столу.

"Что такое доктор?" - спросил ребенок, все еще завернутый в одеяло.

"Доктор - это тот, кто лечит людей, когда им больно, и следит за тем, чтобы они не заболели. Я присматриваю за местными жителями, когда они болеют, потому что они не могут позволить себе пойти в больницу, где много врачей", - объяснил Брюс.

"О", - ребенок сидел молча, пока Брюс распаковывал сумку с вещами, которые могли ему

понадобиться.

"Мне нужно будет увидеть твои руки, чтобы проверить их на наличие переломов", - заметил Брюс.

Ребенок, казалось, раздумывал секунду, прежде чем медленно разогнулся и сбросил хватку с одеяла. Теперь, когда пара оказалась в лучах приличного света, Брюс смог рассмотреть найденного им ребенка в деталях. Прежде всего, одеяло, в которое он был завернут, было явно хорошо изношенным и любимым, но не потрепанным, чтобы можно было предположить, что ребенок жил в тяжелых условиях. Бледно-голубая расцветка и мягкий материал больше подходили для западного дизайна, чем для чего-то, купленного местным жителем в Индии.

<http://tl.rulate.ru/book/92386/2975790>